

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ МИНУТА

Пророчество это выглядело шуткой. Но зато принадлежало Сергею Эйзенштейну. Подхватывая пятилетнюю Аню на руки, он со смехом «прорицал»: «Вот будет у нас еще актриса! Новая Бабанова!...».

Почему Бабанова? Наверное, потому, что девочка была необыкновенно легка, худощава, а длинные золотые волосы и звонкий голос действительно ассоциировались с хрупкостью «хрустального» бабановского таланта.

Шутка осталась шуткой. Хотя по сей день Ане свойственна озорная склонность копировать окружающих. «К нам даже некоторые приходили боялись, не хотели себя увидеть в моем изображении...».

Выбор был сделан неожиданно, но серьезно. Вместе с отцом — известным художником кино Алексеем Ивановичем Пархоменко — съездила в Ялту. Там экранизировали в его декорациях балет «Ромео и Джульетта». Постановщик, главный балетмейстер Большого театра Леонид Михайлович Лавровский часто видел ее на съемках. Аня не сводила зачарованного взгляда с площадки.

С тех пор ни о чем ином, кроме танца, не могла и не желала думать. Лавровский посмотрел Аню и сказал, что она станет характерной танцовщицей. Прогноз оправдался.

Окончив Московское хореографическое училище, сразу уехала в Петрозаводск. Танцевала Айшу в дивертисменте из «Гаянэ» и Охотницу в балете «Сильнее любви». В «Тропю грома» появилась в «томной вариации». В «Сампо» по мотивам калевальского эпоса танцевала Огонь. А в самом начале ее карьеры был Венгерский танец в «Лебедином озере».

Одним словом, здесь открылась возможность пробовать в самых различных жанрах (театр в Петрозаводске музыкально-драматический, и Ане приходилось — и притом с большим успехом — танцевать даже в опереттах...). Ее не оставляло счастливое чувство причастности к театру.

Там она поняла, как увлекательно и непросто идти к образу, как необходимо добиваться творческого взаимопонимания с очень разными хореографами, как заманчиво отыскивать собственные пути к музыке.

В Москву — в Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко — она приехала не робкой дебютанткой, а актрисой с недолгим, но существенным сценическим опытом.

Первое, что поручили в театре, не сохло и даже не танец — надо было прийти на бал «Лебединого озера», сопровождая одну из Невест. Готовилась же она к первому московскому выходу долго и обстоятельно. Пересмотрела

множество изданий по средневековому костюму, запомнила тогдашнюю «готическую» манеру держаться, носить причудливое платье и хитроумный головной убор, решила, какие кольца надеть, осмыслила характер жеста. Каждый штрих был важен в замечательном спектакле, поставленном Владимиром Бурмейстером.

— Рискуете? — спросил ее Бурмейстер, когда в Луганске на гастролях заболела исполнительница партии Бобылихи в «Снегурочке».

— Да, — с отвагой ответила молодая танцовщица. В течение одной ночи выучила роль. А наутро станцевала так, что сам Бурмейстер хохотал, глядя на столь новое и ценное «приобретение».

За Пархоменко прочно утвердилось репутация танцовщицы комедийной, гротескной. Злодейка-Варвара, заклятый враг зверей и людей в «Айболите». Одеситка «старого закала», пышущая здоровьем и наглостью мадам Стороженко в балете «Белеет парус одинокий». Беспечная, будто венский вальс, и потешная, словно олицетворение кокетства, Дама из «Штраусианы». И еще много-много ролей: и сольных, и совсем маленьких, из тех, что с каждым разом все острее гранят и оттачивают мастерство.

Талант Анны Пархоменко при явной непосредственности отмечен чисто сегодняшней печатью интеллекта. Последний ощутим не в некоей холодной рассудочности, но прежде всего в способности аналитически раскрыть характер, увидеть за внешней балетной декоративностью нити, связующие роль с жизнью. Сказочно-смешна в своих «великосветских» претензиях ее Мачеха («Золушка»). Сказочно-нелепа в своих утрированно-рокошальных туалетах. Сказочно-сварлива в кругу семьи.

Но то и дело сквозь фантастическую оболочку проглядывает весьма живой лик мешанки — молодой, холеной, гладкой. Поначалу не лишенная известной «милоты», ходом сказочных событий обнаруживает она все более реальные душевные (точнее, антидушевные) свойства. Такая и обожлет, не задумываясь, и продаст ни за грош, и все мыслимые моральные нормы опрокинет ради достижения личного блага. Сказочный гро-

теск обернулся психологическим исследованием.

— Конечно, тут живой характер! Человек с его пороками, с маской, которой он тщетно пытается закрыть свое подлинное лицо. Мы так и работали с Чичинадзе. Это и определило именно такое прочтение...

Пархоменко получала свои роли в порядке вводов, когда уже сложились определенные принципы исполнения другими солистками. Тем необходимей настойчивый поиск раскрытия новых сторон роли. Ведь для новой исполнительницы выступить в давнем спектакле равнозначно премьере. Важно, чтобы у зрителя тоже осталось ощущение первоизданности. Пархоменко умеет вызвать такую иллюзию. Казалось бы, заняв положение танцовщицы комедийной, сложно доказать свое право на трагическую роль Гудулы в «Эсмеральде».

«Гудула будет такой» — фраза выведена четкими крупными буквами. Фраза из письма лучшему другу и тонкому ценителю всех ее ролей — старшей сестре. Художница Наталья Пархоменко аккуратно собирает Аннины письма. Так накопилась целая коллекция рисунков — прибалтийские сосны с веселыми белками, гудулы в праздничных нарядах. Среди этих писем с набросками — Гудула, какой она представлялась Ане задолго до дебюта.

Что удивительно в рисунке? Четкость. Немногословие. Все дано намеком, но уже ясно: жест лаконичен, ракурсы остры, походка скульптурна. Облик запоминается своеобразием пластики. Но самое удивительное, что Гудула — Пархоменко на сцене точно соответствует карандашным проектам.

Юное, измученное долгой дорогой существо перед изваянием Мадонны. Две матери — каменная и живая. Отчаянный и строгий жест сложных в немом вопле рук. Безумная среди ликующей толпы. Пепельные пряди волос, серое рубище под стать суровым молчаливым камням. Только пламенные, исполненные страдания глаза не гаснут от самого финала. Символом мук человеческих проходит эта Гудула сквозь шумный, яркий мир спектакля. Кажется, нет большей скорби и безнадежности, когда видишь Пархоменко в первом действии. А

после спектакля слышишь от танцовщицы:

— Вот здесь, когда я выхожу на площадку, — моя самая счастливая минута.

К счастливой минуте ведут пути сложные. И уводят они не к одному роману Гюго, но еще и к японскому искусству.

— Не удивляйтесь — Курасава среди моих любимых режиссеров. Японским искусством я даже специально занимаюсь. Например, моя мадам Стороженко многим обязана гравюрам знаменитого Сяраку, который изображал актеров с потрясающей характерностью. А Гудула? Очень хотелось добиться символической четкости, простоты, скупости жеста и мимики, которыми славятся актеры театра «Кабуки». Моя мечта — увидеть их спектакли и спектакли театра «Но». Они владеют секретами выразительности.

Творчество Анны Пархоменко богато ассоциациями. В них — отзвук сложной деятельности души и мысли.

— Вы спрашиваете, что мне нравится делать на досуге? Если очень устала и не выхожу из дому — самое любимое занятие рассматривать репродукции: я очень люблю мастеров Возрождения. Не кажется ли вам, что Джотто — пластика его фигур, их жест очень современны?.. Общайся с живописью, я и отдыхаю, и отчасти работаю. Вечно ищу костюм, грим, парик, внешние подробности, из которых возникнет в одно прекрасное мгновение четкое, почти зримое видение будущего образа — такой форме я придаю очень серьезное значение, она ведь обязательно «выдаст» характер.

А если не очень устаю, тогда ухожу в консерваторию. Люблю сидеть близко, хотя многие предпочитают слушать музыку подальше и выше. А мне нравится прийти пораньше, сесть поближе и посмотреть на инструменты, пока они одни — лежат и молчат. А потом приходят люди, и инструмент оживает, а в человеке появляется нечто от чудесного музыкального инструмента. Мне всегда очень интересно, интересней всего, что человек способен выразить своим искусством...

Анна Пархоменко способна выразить своим искусством многое, в том числе и огромную веру в значение своей профессии и в возможности балета. Вот почему ее работа результативна, а ее успехи — среди бесчисленных свидетельств здоровой, насыщенной событиями творческой жизни родного театра.

Е. ЛУЦКАЯ.